

ОТЗЫВ

**официального оппонента А.В. Наумова
о диссертации Корнеева Сергея Александровича «Уголовная
ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре
уголовно-правового воздействия», представленной на соискание ученой
степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное
право и криминология; уголовно-исполнительное право**

Диссертация Корнеева С.А. выполнена на тему, представляющую значительную *актуальность*. Это может быть подтверждено рядом аргументов. Во-первых, как справедливо считает сам автор, существует проблема (признаваемая даже высшими органами государственной власти – в том числе и Президентом Российской Федерации) «чрезмерной суровости применения мер уголовно-правового воздействия», что предполагает «необходимость гуманизации действующего уголовного законодательства, в том числе дифференцированного подхода к реализации уголовной ответственности» (с.3). Во-вторых, необходимость систематизации мер уголовно-правового характера, в том числе и их указанная «чрезмерная суровость» связана с формированием такой системы мер государственного принуждения, как адекватного воздействия на совершение лицом преступления, которая бы обеспечивала необходимую индивидуализацию уголовной ответственности при исполнении судебных решений по уголовным делам и отвечала бы основным принципам уголовного права, и, в первую очередь, защите прав и свобод граждан (провозглашенным в Конституции Российской Федерации) в сфере правосудия по уголовным делам. И в-третьих, значительным разнообразием подходов к решению данной проблемы в теории уголовного права, что затрудняет реализацию принципов уголовного права (в первую очередь, законности и справедливости) как в судебной практике (при вынесении обвинительных приговоров), так и в деятельности уголовно-исполнительной системы при исполнении соответствующих судебных предписаний.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обосновывается актуальность избранной темы исследования, степень ее научной разработанности, цели и задачи, методология и методика исследования, теоретическое и практическое значение исследования, положения, выносимые на защиту, апробация и внедрение результатов исследования. В главе первой

Вн - 2 02.06.2021

диссертации («Уголовно-правовое воздействие») рассматриваются наиболее важные аспекты исследуемой проблемы: ретроспективный анализ этих мер; уголовно-правовое воздействие в российском уголовном праве; специфика регламентации ответственности в международном уголовном праве. Во второй главе («Уголовная ответственность как форма реализации уголовно-правового воздействия») – теоретическое содержание уголовной ответственности и формы реализации уголовной ответственности. В третьей главе («Иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия») – сущность иных мер уголовно-правового характера и особенности их применения. В заключении формулируются основные итоги выполненного диссертационного исследования. Такое структурное построение диссертации представляется обоснованным, так как оно позволило автору последовательно и теоретически достаточно глубоко рассмотреть важнейшие аспекты исследуемой им проблемы.

Диссертация характеризуется необходимой для такого рода исследований *научной новизной*. В первую очередь это нашло отражение в *положениях, выносимых автором, на защиту*. Отметим самые, по мнению официального оппонента, значительные из них:

- структура уголовно-правового воздействия включает в себя две самостоятельные формы реализации: уголовная ответственность – в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления; иные меры уголовно-правового характера – в отношении лиц, совершивших общественно-опасное деяние;

- соотношение норм отечественного и международного уголовного права при реализации мер уголовно-правового характера: компетенция международных судебных органов должна ограничиваться признанием лица виновным в совершении преступления против мира и безопасности человечества с последующим назначением уголовного наказания и, возможно, контроля за его исполнением; определение же видов других мер уголовно-правового воздействия следует признать предметом исключительной компетенции органов национального правосудия в целях недопущения нарушения государственного суверенитета и вмешательства во внутренние дела соответствующей страны (с.8);

- авторское определение *субсидиарных* мер уголовно-правового характера;

- вывод автора о том, что, исходя из содержания социально-правовой сущности, институт иных мер уголовно-правового характера включает в себя только принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия (с.9);

- сегодняшняя конфискация имущества (по УК РФ) представляет собой особую форму реализации уголовной ответственности, а ее закрепление в разделе уголовного закона об иных мерах уголовно-правового характера следует признать нарушением соответствующих правил законодательной техники;

- суждение автора о том, что судебный штраф представляет собой меру уголовной ответственности, назначение которого целесообразнее рассматривать в качестве составной части института освобождения от наказания (с.9-10).

Диссертационное исследование обладает значительной *теоретической* и *практической* значимостью. Теоретическую мы видим в том, что исследование автором (достаточно скрупулезное) неоднозначных теоретических источников, посвященных данной проблеме, в особенности их социально-правовой природы и сущности фундаментальных уголовно-правовых категорий (наказание, уголовная ответственность, иные меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое воздействие) несомненно приближает к адекватности существующих в УК РФ формулировок к их истинным «корням» и тем самым расширяет «поле» уголовно-правовой науки и объем доктринальных знаний о феномене уголовно-правового воздействия. Практическая значимость заключается в предложениях *de lege ferenda*, сформулированных автором, его рекомендаций и предложений как для совершенствования российского уголовного законодательства, так и для правоприменительной деятельности суда, органов следствия и дознания, прокуратуры при реализации уголовной ответственности в сфере правосудия по уголовным делам.

Основные положения и выводы диссертации являются научно обоснованными, так как в их основу положены научно обоснованные методология и методика. Достоверность диссертационного исследования подтверждается значительным эмпирическим материалом, положенным в основу диссертации. Автором изучено более 100 приговоров, вынесенных в 2016-2020 гг. (изучалась практика судов, действовавших на территории восьми федеральных округов),

официальные статистические данные (за те же годы) Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Автор при написании диссертации произвел анкетирование 300 человек – сотрудников правоохранительных органов.

Основные положения и результаты исследования получили надлежащую апробацию. Они отражены в содержании 34 научных работ, из которых 13 опубликованы в периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а 2 опубликованы в изданиях, входящих в международную базу цитирования Scopus. Выводы и предложения, сформулированные в диссертации, стали предметом обсуждения на ряде международных и всероссийских научно-практических конференциях и внедрены в образовательный процесс некоторых юридических вузов и в практическую деятельность ФСИН России.

Высоко оценивая научную новизну диссертации Корнеева С.А., ее теоретическую и практическую значимость, следует отметить, что она не свободна и от некоторых недостатков. В связи с этим официальный оппонент считает возможным высказать и некоторые, отличающиеся от позиции автора мнения и оценки по ряду позиций, которые дают повод и возможность для вступления в дискуссию с автором. В своем отзыве остановимся на следующих замечаниях:

1) В диссертации значительное внимание уделяется историческому аспекту законодательного решения проблемы в России (от Древней Руси до советского периода включительно). Однако автор лишь упоминает о том, что «в УК РСФСР 1922 г. была предпринята попытка разграничения наказания и мер социальной защиты, хотя меры, принимаемые в отношении несовершеннолетних и лиц, страдающих психическим расстройством, по существу мало чем отличались от уголовного наказания» (с.25). Главное же заключалось не в этом, а в том, что первый советский уголовный кодекс в ст.5 наряду с понятием наказания ввел понятие «мер социальной защиты», а в ст.49 определил, что лица, к которым применяются такие меры, могут (в отличие от наказания) быть подвергнуты по приговору суда определенным правоограничениям не в связи с совершенным преступлением, а с так называемым «опасным состоянием личности», выдвинутом социологической школой уголовного права («лица, признанные судом по своей

преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местах на срок не свыше трех лет»). Именно в этом заключалось самое недемократическое «изобретение» УК РСФСР 1922 г. И жаль, что автор «ушел» от обсуждения этого аспекта исследуемой им проблемы. А именно такое толкование мер социальной защиты (и попытка заменить ими понятие наказания) повлекли грубейшие нарушения законности при отправлении правосудия по уголовным делам. В дальнейшем указанные правоограничения были распространены едва ли не на все виды самых суровых наказаний, что и повлекло обвинение невиновных в самых тяжких преступлениях. По сути дела, весь последующий период (известный как «Большой террор» 1930-х гг. – трагедия советского народа) – вполне укладывался в отказ от понятия наказания и замену его мерами социальной защиты и который продолжался фактически до хрущевской «оттепели» и принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (см. А.В. Наумов. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I – М., Юрлитинформ, 2015. С. 531-532, 540-541, 566-567, 691-693, 734-737; та же работа – изд. второе. М., Проспект, 2021; А.В. Наумов. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд. М., Проспект. 2018, 2019, 2020. С. 545).

2) Автор считает отсутствие в УК РФ определения понятия уголовной ответственности серьезным его пробелом (с.66). Думается, однако, что это все-таки некоторое преувеличение. Уголовный закон (тем более Уголовный кодекс) – это не учебник. У каждого из них свои задачи, и своя «техника», неизбежно порождающая специфику судебного и доктринального толкования. Это, во-первых, а во-вторых, каковы будут результаты такой законодательной операции? Представляется, что основной ее «приобретатель» (суд, прокурор, следователь, орган дознания) вряд ли обратит на нее внимание. Проведу параллель со ст.8 УК РФ. В ней, как известно, сформулирован самый основной, казалось бы, работающий принцип уголовного права – признание основанием уголовной ответственности совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Более важного принципа (он исходит из всех других законодательно обозначенных принципов, в первую очередь из принципа законности) не

существует. Ну и что? Возьмем в руки любое уголовное дело, завершившееся обвинительным приговором (допустим о краже либо убийстве). И где в приговоре ссылка именно на ст.8 УК? То же самое будет и с предполагаемой законодательной дефиницией определения уголовной ответственности. Ну и, в-третьих, автор приводит множество доктринальных определений такого понятия, справедливо указывая на их противоречивость. И как, каким образом, «отыскать» среди них «истинное»?

3) Автор прав, отмечая, что УК РСФСР 1960 г. отделил от наказания институт принудительных мер медицинского и воспитательного характера, приравняв это решение к позиции, зафиксированной на этот счет в УК РФ (с.27). Однако между этими законодательными позициями все-таки существует принципиальная разница. В ч.2 ст.1 УК РСФСР утверждалось, что «для осуществления» задачи Кодекса, в нем определяется «какие общественно опасные деяния являются преступными и устанавливаются наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления». При этом Кодекс четко отделил наказания от принудительных мер медицинского и воспитательного характера. И лишь УК РФ обозначил последние как разновидность (наряду с наказанием) «иных мер уголовно-правового характера» (ч.2 ст.2 УК РФ), то есть опять-таки, не только «отделил» последние от наказания, но и «объединил» их в одну категорию мер уголовно-правового воздействия. Кстати говоря, такой же недостаток (УК РСФСР 1960 г.) был присущ и Основам уголовного законодательства СССР и республик 1991 г., не вступивших в силу по причине упразднения СССР как государства.

4) Автор, как уже отмечалось, справедливо ограничивает компетенцию международных судебных органов рассмотрением дел о преступлениях против мира и безопасности человечества «с последующим назначением уголовного наказания и, возможно, контролем за его исполнением», и исключает возможность принятия решения в отношении других мер уголовно-правового воздействия», относя последние «к исключительной компетенции органов национального правосудия в целях недопущения нарушения государственного суверенитета и вмешательства во внутренние дела соответствующей страны». При этом автор ссылается на толкование ст. 15 и 79 Конституции РФ (с.8, 137-138). Мы поддерживаем такой подход к решению проблемы и ее конституционное

обоснование. Однако при этом, по нашему мнению, было бы вполне уместно сослаться на некоторые положения новой редакции Конституции (в первую очередь, зафиксированный в п. «г» ч.2, п. «б» ч. 5 и ч.6 ст.125 Конституции РФ), что конечно же усиливает легитимность рассматриваемого предложения автора.

5) Оппонент присоединяется к позиции автора о том, что такое наказание как конфискация имущества было ошибочно исключено из перечня видов наказания в ст. 44 УК РФ (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ). Однако вряд ли стоит преувеличивать надежду на то, что ее возвращение коренным образом изменит реальную борьбу с коррупцией. Приведем на этот счет лишь один аргумент. Что изменилось бы, если в декабре 2003 года законодатель не исключил бы рассматриваемое наказание из системы наказаний, предусмотренных УК РФ? Уверены, что ничего. Конфискация была прописана в УК РФ в течение почти что семи (!) лет. Однако каких-либо коррупционных уголовных дел в отношении коррупционеров (из «верхних» эшелонов власти), громогласно и поименно называемых в СМИ, почему-то (несмотря на существование статьи УК РФ о конфискации имущества) не было. Однако позже под «прицелом» уже упраздненного вида наказания объектами уголовно-правового воздействия оказались и вроде бы до того «непотопляемые» высокопоставленные лица. Так, в 2016 году (как это широко «рекламировалось» в СМИ) по обвинению в коррупции были арестованы, например, несколько губернаторов, руководитель ФСИН, несколько высокопоставленных чиновников СК РФ и МВД РФ и даже один действующий федеральный министр. И не «вдруг» (даже при отсутствии в УК РФ статьи о конфискации имущества) возникли указанные уголовные дела. Так что дело заключается не только в существовании в УК РФ статьи (разумеется, необходимой) о конфискации имущества, а в наличии или отсутствии для этого политической воли руководства страны.

Сделанные замечания (оппонент не претендует на их безапелляционность, а считает вполне дискуссионными) не снижает общей весьма положительной оценки диссертации. Она выполнена автором самостоятельно, а автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

В целом официальный оппонент приходит к выводу о том, что диссертация на тему: «Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в

структуре уголовно-правового воздействия», отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, соответствует Положению о порядке присуждения ученых степеней (в действующей редакции), а ее автор Корнеев Сергей Александрович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), заслуженный
деятель науки Российской Федерации

А.В. Наумов

24 мая 2021 г.

Наумов Анатолий Валентинович, профессор, доктор юридических наук по специальности 12.00.08: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)», адрес: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, тел. 8(499)963-01-01; e-mail: rpa@rpa-mjust.ru